

Зарина Карлович

Раб человеческий

роман

Зарина Карлович

Раб человеческий. Роман

«Издательские решения»

Карлович З.

Раб человеческий. Роман / З. Карлович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850529-4

В субботу после полудня на Дмитровское шоссе выехал автобус и на трассе, не вписавшись в поворот, врезался в «КАМАЗ». От автобуса остался кусок мятого железа. Все пассажиры погибли на месте. В этом автобусе был и я. Но я не умер, потому что умирает только живое.

ISBN 978-5-44-850529-4

© Карлович З.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
За год до этого	7
Часть 1. ЧУМА	8
Глава 1. Здравствуйте, Мерлин Мэнсон!	8
Глава 2. Святой день	11
Глава 3. Врачебная ошибка	13
Глава 4. Остров проклятых	16
Глава 5. Три минуты с домом	19
Глава 6. Степачка и Линачка	24
Глава 7. Ёбург	26
Глава 8. Дома. Есть кто живой?	28
Хорошо, что я не старею...	29
Хэппи дэй	29
Глава 9. Чума на оба наши дома. Эля	32
Глава 10. Магда	34
Глава 11. Пьяная. Безумная. Любовь. Втроем	36
Глава 12. Правда. Ложь	38
Глава 13. Расписные стены	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Раб человеческий Роман

Зарина Карлович

© Зарина Карлович, 2017

ISBN 978-5-4485-0529-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В субботу после полудня на Дмитровское шоссе выехал автобус и на трассе, не вписавшись в поворот, врезался в «КАМАЗ».

От автобуса остался кусок мятого железа. Все пассажиры погибли на месте. В этом автобусе был и я.

Но я не умер, потому что умирает только живое.

Пролог

С трех часов ночи просыпался каждые полчаса.

Преследовал кошмар: авария с оторванными руками, ногами, головами. Моя вчерашняя ночная клиентка (во сне она была без горба) хватает меня за рукава и, подводя к окровавленным людям, шепчет: «Смотри, это тоже я подстроила!»

Люди падали, их кровь оставалась на мне, и от ощущения непреодолимого отвращения, похожего на то, которое не смог подавить с ней ночью, проснулся.

Оглядел комнату. Темно, и, как обычно, показалось шевеление в углу. Но дремота смогла прежде, чем я успел включиться.

Продолжение сна было еще более ужасающим. Снилось моя первая осень в городе.

Одна из постоянных клиенток, директор колледжа, после многочасовых моих излияний на тему «покончить с такой жизнью», предложила мне место на кафедре истории фотографии в ее колледже.

Все идет гладко, но на одной из лекций я вдруг расслабляюсь и начинаю рассуждать.

Жил был парень. И была у него одна страсть – мечтал он стать настоящим художником. Приехал, как водится, в большой чужой город... и вскоре иллюзии его испарились вместе со скудными деньгами, которых хватило бы теперь лишь на билет обратно... К тому времени у него уже была кличка – Смуглян...

Я рассказываю, а они слушают все, как замороженные. И вдруг одна бойкая девчушка вскакивает и, смеясь, тычет мне в лицо острым пальцем: «Смуглян! Мальчик по вызову! Я тебя узнала!»

И все ржут мне в лицо, не дают прохода. Все презирают меня!

В ужасе просыпаюсь. Судорожно шарю по тумбочке, включаю ночник.

На мобильнике несколько цифр: 6:47 и ниже – 7.10.11

Утро!

Лучшим средством вырубиться так, чтобы точно – пол – литра вина. Если не пил, без корвалола не засыпал. Со временем привык к паническим спазмам. Меня трясет, а я вроде как улыбаюсь. Со стороны похоже на сильный озноб.

Старуха – алкоголичка, квартирная хозяйка, по ночам не спит – бродит по квартире, разговаривает сама с собой, спорит, что – то все время выясняет. Включит телевизор и препирается с ним, не хуже Сергея Юрьевича Белякова из Таганрога¹. Днем почти не выходит. Иногда раздаются странные шорохи, и мне кажется, что она, подобно Грегору Замза², превращается в насекомое.

Теперь утро, и она заснула.

Я лежу один в глухом мире, таращась в темноту, дрожа всем телом. Потом все же засыпаю окончательно.

Проснулся около десяти и понял, что случилось страшное: там, за плотными шторами, расходился ливень. Разумеется, зонта нет. Это нехорошо, потому что я хотел пойти пешком.

Нужно встать, но нет сил. Вчера она их забрала у меня все. Осталось только на то, чтобы вот так лежать и ждать сердечного приступа.

Я не боялся аварий, темноты, «ночных чудовищ», клиенток – горбуний. У меня был просто ужас смерти.

Как и за год до этого.

¹ Персонаж комедийного сериала «Наша Раша»

² Герой повести Франца Кафки «Превращение»

За год до этого

Я выходил в парк, подальше от испарений гнилого ковра и завываний своей алкашки. Садился на скамейку, открывал папку и писал осень.

Больше всего мне нравились ее сухие листья. Я бережно крал их у осени. И они плясали на ветру в звенящем хороводе уже на моем мольберте. Наблюдал, как днем падают они на землю, не делая из этого тайны. Шуршание листьев – живых и мертвых, коричневых, окоченелых, как пальцы трупа, успокаивало куда лучше валерьянки, пива, пол-литра вина, пустырника, глицина и даже корвалола – друзей моих последних недель.

Тихие дни, звенящие последним теплом, напоминали улыбку старика. Был похож на страшную сказку этот тоскливый мотив бесконечности, а последнее тепло – на поминки.

День в парке один только я не целовался и не качал коляску.

– Вадик, Вадик, пожалей Егорку!

Три мамы на скамейке, скрученные в позу вопросительного знака от холода. Одна из них привязалась к мальчугану лет двух:

– Вадик, пожалей Егорку! Пожалей Егорку...

Мамаши всегда повторяют детям одну и ту же фразу. Как будто те умственно отсталые. Разве ребёнок не понимает с первого раза?

А если сесть на поезд и ехать два дня в южном направлении, то попадешь в город, где лето всегда. И в парках там все, как здесь – и визжащие на карусели дети, и апатичные мамы, и прогульщики – студенты, и брошенные окурки, и смятые газеты на скамейке, и старики с палками, и парни, жадно пьющие своих спутниц...

Хотел бы я вернуться на два месяца назад – в то лето, когда я так же курил в парке. И рядом сидела Эля. Было лето, было счастье, была Эля.

Не звонит вторую неделю и не отвечает. Мишка, болтающий без умолку, начинает мяться после вопроса о ней. Может, уехала. Или умерла.

Завтра на работу. Я устроился менеджером по продажам рекламных площадей в справочник вроде «Желтых страниц». Сел на процент от сделок, которых пока у меня ни одной.

А еще завтра впервые в жизни я не увижу сына в день его рождения.

Часть 1. ЧУМА

Глава 1. Здравствуйте, Мерлин Мэнсон!

Привет. Меня зовут Степа. Мне 30 лет. В прошлой жизни я делал планировки квартир для мебельных фабрик и агентств недвижимости, учил детей черчению, а по вечерам писал картины.

Теперь я никто. Иммигрант. Гастарбайтер.

Как и все иммигранты, я приехал на чужбину за счастьем. За мечтой. Я ехал за славой. Это ради нее я оставил родину, сына, Элю. Вместо собственного жилья – угол в квартире бабки – алкоголички.

И страх. Страх такой, что зубы стучат. Так у меня стучали только один раз в жизни – когда мне было пять лет, и мы с папой перекупались в горном озере, чистейшем в мире.

Девятое утро в городе М встретил я на узкой деревянной койке, застеленной чужой простыней (ноги сначала упирались в спинку кровати, потом я ее «случайно» отломал). Синий василек на когда – то белом поле пододеяльника, как укол дантиста в десну – болючий впрыск реальности.

Я проснулся и понял, что пятый день рождения мой сын будет праздновать без меня.

Я был готов ко всему. К тому, что буду всю жизнь скитаться по выставкам, прорываться к именитым художникам, может, стелиться перед ними. Думал, что готов ко всему.

Чорта с два я был готов!..

Третий день работы менеджером по продажам рекламных площадей в телефонном справочнике вроде «Желтых страниц». Наш справочник не гонится за оригинальностью, близок к народу и непринужденно именует себя «Что-К-Чему?».

Обедом мне послужил стакан бесплатного офисного чая и четвертинка рыбного пирога, переданного мне через стол щедрой коллегой. Отщипнув пару кусочков, остальное убрал в сумку – на ужин.

В офисе из новичков, прошедших по конкурсу, работать остался я один. И хотя шеф сообщил мне, что моя тестовая презентация была лучшей в потоке (подозреваю, что так он сказал каждому из нас), продаж у меня еще не было. Я был ни на каком счету и очень рассчитывал на сегодняшние встречи.

Эта была моя вторая работа за девять дней в городе М.

Едва ступив на перрон города Ч и ударив по рукам с хозяйкой комнаты, вышедшей мне поразительно дешево, на седьмом небе от того, что все складывается так удачно (приличная комната и так дешево!), взялся за обеспечение себе пропитания, а потом и достатка.

Открыл газету и оторопел: кое-где сулили аж до тыщи рублей в день... На руки! Я приехал, заполнил анкету и зашел в кабинет, на котором было написано: Директор.

В полумраке комнаты по четырем углам дымилась палочка с благовониями. В окружении расписных хоттеев, жаб с монетами и слонов возвышалась огромная дама, лицом схожая с хоттеем и жабой одновременно.

– У вас хороший опыт работы, – она подняла, наконец, глаза от анкеты, – и говорить, наверное, умеете. И выглядите хорошо...

– О, благодарю.

– Но вы не устроитесь здесь никуда. Покажите паспорт!

Я повозился с файлом и вынул самое дорогое.

Она взяла его в руки и швырнула обратно.

– У тебя паспорт даже не того цвета! – закричала она, вдруг перейдя на «ты». – Я даже не буду его у себя оставлять!

– А моя квалификация и...?

– Засунь ее в задницу. Здесь она никому не нужна.

Она закурила, выпуская дым из тоннелеобразных ноздрей.

– А ты думал что: в сказку попал? Помыкаешься, потыркаешься и все равно сюда придешь... А здесь будешь зарабатывать твердую копейку. Приходи завтра к девяти утра. И не опаздывай!

Утром в первый рабочий день, в белой рубашке, как нормальный офисный планктон, подхожу к офису и вижу скопление народа перед запертой дверью. Самые нетерпеливые стали расходиться, как вдруг из открытого окна офиса раздался трубный голос вчерашней жабы:

– Я лучше всех!!! Сейчас я выйду на улицу и всех порву!!! Они слушают меня! Они делают, что я говорю! Я лучше всех!!!

Лица моих коллег – соискателей вытянулись. Кто-то сплюнул под ноги: «Опять секта...» – и пошел к метро.

Через минуту из офиса вылетели люди с просветленными лицами. Мужчина за сорок с большой сумкой подошел ко мне:

– Степан?

– Он самый.

– Я Гена. Пошли.

Мы направились к остановке пригородных автобусов и сели в такси.

Я сразу пресек возможность вымогательства:

– Денег нет.

– Потом отдашь, – буркнул Гена.

Ехали не меньше часа – в область.

Я смотрел на редяющие высотки, густеющий лес и поля за окном и думал:

«Этих людей я вижу впервые, куда меня везут, я не знаю. У меня с собой паспорт. И если это воинствующая секта, и меня расчленят для жертвоприношения, то так мне и надо».

Но расчленять меня не стали.

Мы приехали в село. Гена повел меня по магазинам вроде советских сельмагов, где продавал девушкам духи. Чуть позже, вспоминая Гену, я поражаюсь его мастерству холодных продаж. Он приходил к совершенно ледяным девушкам в магазине, отрывая их от работы, и предлагал то, что им не нужно.

Продавицы всегда рады показать свое превосходство, а сельские вообще для того и созданы. «Девчонки» с удовольствием воротили носы. А через десять минут покупали у Гены духи и дешевую помаду.

– Девочки, у вас подруги есть? А когда у них день рождения? Всегда же думаем, что подарить. А возьмите духи, и будет подарок всегда... Про запас, на всякий пожарный. А скоро Новый год – сколько подарков нужно? А возьмите помаду, и проблема подарка отпадет. И недорого, и внимание. А у мужа мама есть?..

После трех магазинов Гена показал мне восемьсот рублей выручки.

– Это за неполных три часа. Хочешь так же?

Я хотел кивнуть, что да, конечно, хочу! И не смог. Я никогда не занимался продажами – я делал чертежи и писал картины. Я косился в сторону маршруток, которые едут в город, и молчал.

Гена кивнул:

– Вот и правильно – заработаешь, не волнуйся, научу даже тебя, – захохотал он и добавил: – Потому что я лучше всех!!!

...Мы колесили по поселкам. Дома темным вечером я посчитал наличку и удивился, каким чудом мне удалось заработать четыреста рублей. Ночью приснились продавщицы сельмагов. Из высоких причесок у них торчали обнаженные, словно антенны телевизора, нервы.

Больше Гену я не видел. Но он навсегда остался для меня суперпрофессионалом «холодных» прямых продаж. Как он красиво и без промахов закрывал сделки за пятнадцать минут! Ему было все равно, кто перед ним, что себе думает. Гена знал: девочка купит. Потому что Гена был действительно лучше всех.

И теперь, когда я устроился в этот справочник, вспоминая иногда его мастерство, жалел, что так и не смог его у него перенять.

...Отгуляв неделю собственной свадьбы, вернулась Яночка, дамочка лет тридцати. Красивая, холеная, в праздничном тумане. Из ее сумок на стол перекочевал арбуз, рядом сладко и томно возвышались четыре бутылки шампанского и диковинный торт.

Сотрудники собирали деньги на подарок.

Мне махнула рукой Нина. Это нечто среднее между секретаршей Верочкой из «Служебного романа»³ и консьержкой многоэтажки спального района. Пошлость и агрессия, самодовольство и бахвала глупости сплелись в ней, как сплетаются в экстазе змеи в террариуме. Жирные телеса, обтянутые адской леопардовой тряпкой, перекатывались от одного офисного стола к другому. Докатились и до меня.

У Яночки была свадьба, мы собираем по сто пятьдесят рублей, – протараторила мне на ухо Нина.

У меня в кармане сто рублей, из которых сорок я потрачу на дорогу к четырем клиентам, шестьдесят проговорю с сыном на почтамте и на остальные – надо попасть домой. Я настолько измучен, что мне даже не стыдно.

– У меня сегодня, правда, нет. Может, займешь? Я как получу – отдам.

– Да откуда я знаю, когда ты получишь! – глядя в сторону, цедила Нина, – давай, решай сам. Займи у кого-нибудь.

Займи! Ты не заняла, а кто займет? Мы же работаем без зарплаты, за проценты.

Конечно, я надеялся на сегодняшние встречи. Да и вообще, собираешь весь год на дни рождения, а потом увольняешься за две недели до своего, и плакали твои денежки...

А эту Яночку я вообще впервые вижу!

Я сел за свою часть стола. Налил чаю. Сжевал половину пирога, поправил галстук, в котором я теперь хожу большую часть дня, и вышел за дверь, оставив за спиной торжество, на котором меня не ждали.

³ Кинофильм Эльдара Рязанова

Глава 2. Святой день

Город М раз в десять больше моего родного города. Я в нем – слепой котенок. Он танком, похожим на тот, что я видел здесь на площади, напоздаст на меня. У меня еще нет нормальной работы, и домой (всего четыре остановки) добираюсь обычно пешком – экономлю.

До сих пор Города М не знаю совершенно. В офисе на двадцать пять менеджеров два компьютера, и за них случается настоящая драка. Мне же приходится по полчаса тарашиться на бессмысленные черты переулков в программе ДубльТрис, пока не становится страшно от этих лезущих друг на друга, перепутанных между собой улиц. Глядя на эдакую профанацию, коллеги, озабоченные тем, чтобы распечатать себе тоже карты маршрутов, вдруг обнажают свои темные стороны: становятся на удивление раздражительными и даже нетерпимыми. Только насытившись узловатыми венами улиц на карте города М, они возвращают себе светлую ипостась и благопристойное выражение лиц.

Я выхожу в реальный мир, и карта оказывается бессильной, бессмысленной пустышкой, как девальвированный рубль. Мне положи миллион карт в карман, а я все равно выйду на три остановки раньше нужной.

Пошел три остановки пешком. Курил и думал: вот так идешь где-то в Центральной полосе России, в конце октября в зимней куртке и туфлях, потому что подошву на сапогах починить нет возможности. Прокатываешь двадцать четыре драгоценных рубля, с трудом находишь обшарпанное здание. А тебе отказывают.

Так оно и случилось.

Блеснул лысиной косогор. И единственным серым обшарпанным бельмом на его глазу воззрился на мир клуб «Hollyday». Стены и дверь его были живописно разрисованы и с первого взгляда казались заштопанными. Вот тебе и знаменитый на полгорода ночной клуб «Святой день»!

Я вспомнил, как раньше, едва не каждые выходные, мчался по ночному городу в такси, а из темноты уже зазывали огнями, раскрывали объятия грандиозные двух-, трехэтажные особняки. Встречали фейерверками иллюминированного счастья, ожиданием волшебного адского времени, полного чудес, ворвавшихся сюда ради тебя – клоаки, смердящие кайфом непомерным...

...Может, маскируются от налоговой?

Внутри вместо знаменитого запаха ночной жизни, который отсюда никогда не выветривается, вонь и темень.

Менеджер Дима вел меня наверх и то и дело повторял: «Осторожно, ступенька». Я спотыкался, но шел. Как и все эти дни.

В офисе натренированным молниеносным движением руки достаю бумаги, буклеты, раскладки, статистику и завожу свою пластинку. Дима прерывает без церемоний:

– Мы работаем по взаимозачету!

– Что?

Взаимозачет на наружку⁴ в этом клубе – это безумие!

Барахтаюсь:

– Мне кажется, Вы этого мне не говорили. Может быть, все-таки...

– Значит, я говорил не с Вами. Но за деньги мы не работаем.

Позади меня скептически оживает девушка:

– К нам вчера тоже приходили из такой организации.

Смотрит на меня брезгливо. Дима, попрощавшись, выходит.

⁴ Наружная реклама

Уборщица с пылесосом наперевес: только я сгреб свои причиндалы со стола, врубает свою сирену и яростно начинает водить щеткой по моим ногам.

– Эй, полегче!

На ступеньках клуба – подростки с пивом косыми взглядами. Примеряются, как бы еще разрисовать дверь «святого дома».

Надеюсь, что вторая встреча – на улице Братских народов – будет удачнее. Название не в бровь, а в глаз: я тоже из этих, из братских. Из бывших... Я еду к врачу – в медицинский центр ВИТОК.

Глава 3. Врачебная ошибка

Ехал пустой, тихий, голодный и сутулый. Но вспоминая случай возле «Евросети», выпрямлял спину.

Пару дней назад мялся перед своей самой первой встречей у офиса «Евросети». И в зеркальной двери поймал свое отражение. Изможденное выражение на лице, растрепанные волосы и безнадежность в глазах потрясли меня: это был не я!

Тогда и стал носить галстуки. Думая о галстукe, всегда вспоминаю историю про «тоналку».⁵

Как-то Эля осталась у меня на ночь. Утром она собиралась на работу, а я пил чай и смотрел, как она делает макияж. Лина была моей женой четыре года, но я никогда не видел, как она делает make-up. Если я заставлял ее за этим занятием, она говорила:

– Не смотри: краситься перед мужчиной – дурной тон.

Я тогда присел перед Элей и затаился, ждал, что опомнится и выгонит меня, как делала Лина. Она же не обращала на меня внимания и, глядя в зеркальце, увлеченно размазывала по лицу какую-то бежевую субстанцию, которая ложилась на ее лицо плотной броней, делая кожу фарфоровой.

Эля поймала мой взгляд и выдала:

– Любой тухляк спасает тонак⁶! Тоналка – это все!

Галстук – это тонак, он спасает все. Галстуков было три. Сегодня на мне был особый «реаниматор лица» – яркое коралловое пятно – подарок Магды за 23 февраля.

Я встряхнулся, пригладил пятерней челку и натянул на лицо выражение успешного малого, с которым всякому приятно иметь дело.

Центр ВИТОК мне понравился. Во-первых, я люблю врачей – они циничные и заботливые. Во-вторых, ВИТОК есть в нашем городке. И глядя на вывеску центра, я мог представить, что я, предположим, на родине. Справа моя бывшая школа, а слева – универсам, где мы с мамой когда —то давно ели пончики с бумажной тарелки...

Я вошел, окунулся в заботу – мягкие коврики, сияющая улыбкой медсестра – и растекся по дивану.

– Вот бахилы. Сергей Петрович будет скоро.

Спокойно и мирно. Неужели есть люди, которые не носятся по ледяным улицам, предлагая купить рекламное место в телефонном справочнике? Они работают среди мягких диванов, бесшумных шагов, запаха терпения, прощения и здорового цинизма.

Сергей Петрович оказался высоким и серьезным. «Врач – менеджер» – было написано на его бейдже. Он отвел меня в крошечный стерильный кабинет с небесно – голубыми стенами, указал на кресло.

Он долго не мог понять, откуда люди узнают телефон справочной и как они будут находить их в Екатеринбурге. А в Уфе?.. Зачем вообще справочная? Как работает дисконт?..

Как приятно впервые в жизни растолковывать врачу элементарные вещи.

Особенно мне понравилось его согласие: да, для них это может представлять интерес. Он подпишет договор? Ах, посоветоваться с головным офисом... Значит, завтра. Заплатит наличкой, я получу свои три с половиной рубля⁷ и со спокойной душой поеду в Ёбург⁸ – оформлять документы на гражданство.

⁵ – Тональный крем для лица

⁶ – Тональный крем для лица

⁷ Тысяча рублей (разг.)

Но он сказал:

– Мне нужно все это обдумать, выучить... посоветоваться.

– Хорошо. Тогда я могу позвонить завтра?

– Нет, это слишком короткий срок. Я поеду в Санкт-Петербург, покажу все начальству и наберу Вас. Где – нибудь в декабре.

В декабре?! Зачем в декабре? Деньги кончаются у меня сегодня!

Однако и я не сдавался так легко:

Если Вы сделаете заказ сегодня, я даю Вам приличную скидку, к тому же...

Он припечатал ладонью еще, вероятно, теплые ксерокопии и произнес:

– Это не-воз-мож-но. – И тихо усмехнулся, поведя ладонью в воздухе: – У нас ошибок не прощают...

– Воля ваша. Мой номер, моя визитка.

Он поднял брови:

– Удобнее было бы мобильный.

– Мобильного нет, это рабочий, я всегда на связи.

Не стану же я ему объяснять, как на мою мобилу вылила полстакана водки моя квартирная хозяйка, алкоголичка с пожизненным стажем. Какова была бы его личная врачебно – менеджерская реакция?

Попрощались. Он – радушно, я – фальшиво – вежливо. В холле цепляюсь за отчаянную мысль.

– Можно от вас сделать один звонок по городскому?

Утром звонила секретарь туркомпании – результат вчерашней встречи. Они хотели бы сделать проплату на год или на полгода, но это будет известно только после 14.00. Сейчас 15.15. Только бы она сказала «да».

– Марина?

– Да, это я.

– Это Степан, компания «Что-К-Чему?». Вы уже приняли решение по нашему вопросу?

– Знаете, завтра мы отправляем людей в Мадрид, поэтому налички в кассе нет совсем.

– Может быть, сделаете предоплату – половину?.. Если сделаете сегодня проплату, я предоставлю вам ооо-ооо-мную скидку.

– Нет, даже на половину нет денег. Созвонимся в следующую пятницу. И на понедельник назначим. Думаю, приедете уже за наличными.

– Созвонимся. Всего доброго.

– И вам. До свидания.

И вам до свидания.

На выходе из медицинского центра, избавляющего от табачной зависимости, затяжка сигареты вдвое слаще. И так, я получу деньги только через неделю. Может, удастся раскрутить их на активные ссылки?

По пути к трамвайной остановке меня заносит. Надежда на контракты и деньги тает. Я езжу черт знает куда, занимаюсь черт знает каким делом. Куда, зачем, во имя чего?

Вконец очумевший ветер нагло плюет мне в лицо каплями дождя.

Троллейбус №13. Мой.

Тупо спрашиваю у тупо смотрящей на меня кондукторши:

– До Технополиса доеду?

– Да, – роняет она.

Эх, краса полей, лучше бы ты рубль уронила.

⁸ Город Екатеринбург (разг.)

Трясаясь в мертвом троллейбусе, замерзая на жестоком ледяном ветру, вспоминаю фильм «В погоне за счастьем». Мы смотрели его с Элей. И как она сказала: «Хороший фильм. Только жестокий очень». И как я удивился неожиданной сентиментальности. И хотя живу я не в приюте для бездомных, зато снимаю комнату у бабки – алкоголички, так что в чем-то с героем Уилла Смита мы похожи.

Глава 4. Остров проклятых

Но то, что я увидел спустя три минуты, потрясло по-настоящему. Гигантская каменная каракатица – боевик вполне в стиле погони за счастьем – раскинулась слева. Местами безглазая, почти достроенная, обещала к новому году стать самой высокой каракатицей в стране. На крыше монстра мигала неоновая молния: «ТЕХНОПОЛИС». Призрак счастья из стекла и бетона на сквозняке пустыря.

Остров проклятых.

Справа миниатюрная «Комсомолка» кричала свое заключительное «ДА!». Вспомнил свой бесславный поход на третий день в ветреном городе М. Шел гордо – под мышкой толстое и уже разлагающееся от старости портфолио с прошлой моей «Комсомолки» – региональной. В железной уверенности, что своего «комсомольца» примут.

Вместе со мной в лифт вошла девушка. Двери закрылись, и она сползла на корточки, роняя настоящие слезы. Сократили половину штата, и она в этой половине. И тут я понял, что вести о Мировом кризисе, которые на моей родине были чем-то вроде слухов о Третьей мировой войне, здесь – не жареная «утка», состряпанная одним из моих коллег. Через минуту в кабинете директора по персоналу я в этом убедился.

На перекрестке в ожидании зеленого, смотрю на часы: около четырех. А у них, значит, пять. Поздоровали в садике, теперь забрали домой. Поедают сейчас, наверное, торт с Даонисом.

Перед глазами поплыла наша гостиная, посреди которой два белобрысых пацана гоняют машинки... Запретил себе думать.

Загорелся зеленый, я рванул к каменному хозяину через пустырь и ветер.

Железная дверь с табличкой «Служебный вход» медленно подалась, и в первую секунду я задохнулся от брызнувшего в глаза света и духа человеческого пота.

Кого здесь только не было: юноши с косами по пояс, из курток которых топорщились облаченные в черное гитары. Девушки с ногами не толще моих рук. Ржушие, в рвань и на кортах, бесполое существа. Зеленые человечки с синими ирокезами.

Сухая листовка на стене объясняла засилье фриков:

«Развлекательному центру „Технополис“ требуются...» – и по списку позиций двадцать – аниматоры, музыканты, персонал для шоу, стюарды. Покосившись на цифры напротив каждой позиции, прикидываю, смог бы я стать фриком за те деньги, что им платят?

В глубине будки охранника – жующая голова. Наклоняюсь к окошку, и в лицо бьет запах шаурмы.

– Извините, как я могу пройти к Алексею?

Охранник поднимает злое лицо: я мешаю ему раздирать зубами мягкое, желтое, набитое ошметками мяса:

Перед вами телефон – звоните!

Оборачиваюсь на список телефонов сотрудников. И снова донимаю несчастного охранника:

Я не знаю его фамилии. Отдел маркетинга...

Он давится слюной и вопит:

– Вот и звоните, звоните!

Здесь несколько Алексеев, а фамилию своего я забыл! Из открывшейся двери в неприступные офисы появляется девушка. Расталкиваю неповоротливые костюмы.

– Девушка! Мне нужен Алексей, у меня с ним встреча в четыре, а не могу ему позвонить. Неудобно опаздывать...

– Звоните еще, – бросает она, но, посмотрев на меня, неожиданно добавляет: – Если вдруг – вдруг! – я его встречу... случайно, а это маловероятно... я скажу ему, что Вы здесь.

– Спасибо, о, спасибо!

Снова объясняю что-то охраннику, иду в отдел кадров. Я замотан, но пытаюсь выглядеть уверенно. Я уже собрался уходить, и тут меня окликают. Это мой Алексей.

– Значит так. Выйдете, обойдете здание, войдете с главного входа, пройдете в виниловое кафе, я буду там вас ждать.

Час от часу не легче. В атмосфере людского жужжания слова можно разве что прочитать по губам. Но половина слов для меня загадка: где центральный вход, что такое виниловое кафе, и как обойти это здание?

– Где, простите, будете ждать?

«Он еще и умственно отсталый», так подумал бы я на месте Алексея.

– Здесь ничего не слышно.

– Виниловое кафе знаете?

– Нет...

– Так, понятно... Войдете, – делает паузу, – мимо гардероба. Я там вас буду ждать. Через три минуты.

Итак, у меня есть три минуты на прохождение игры. Время пошло. В последнее время я заметил, что стал двигаться гораздо медленнее обычного. Словно в замедленном кадре кинофильма.

Круче, чем этот комплекс, в моей жизни был только алматинский «Рамстор». Красный бархатный интерьер, приторно-жженный запах поп-корна, нарядные празднично шатающиеся. После моих одиссей здесь – другая жизнь. Сытая, в развалку.

И все же налет провинциальности, как пыль, оседал на красном бархате. Его не смахнешь рукой, не вытравишь, не загасишь парфюмом. Он – в выражениях лиц, оттенках запахов и звуков, цветовой гамме интерьера, безыскусной простоте барменов, мешкающих не к месту кассирш.

Холеной ручкой о паре перстней Алексей указывает на стеклянный столик и пару кожаных кресел. Проговариваю презентацию. Быстро, только бы не слышать, как резанет, ударит по ушам короткой плеткой «НЕТ!», не видеть – спрятаться за буклетами, брошюрами, напрасным диском... Я почти физически чувствую, как ему скучно. Заученные фразы освобождают голову:

«Господи, что я тут делаю? Я как ребенок, объясняющий взрослому глупые, ненужные вещи».

Звонит его телефон, и он говорит: «ДА!» Жаль, что не мне, а какой-то Марии: «Да, Мария. Я освобожусь через десять минут». Почему меня зовут не Мария?

...через десять минут он соберет мои бумажки, встанет, скажет «до свидания», поднимется к неведомой Марии и забудет обо мне. А когда я позвоню через пару дней, ответит:

Да, Степан. Знаете, мы подумали и решили, что подумаем еще. Позвоните где-нибудь в январе.

Или так:

Понимаете, рекламный бюджет уже распределен до конца года.

Или что-нибудь еще.

Хватит! Мысли в этом городе материализуются быстрее, чем ты привык.

Алексей протянул визитку.

– Вот мой номер. Позвоните на той неделе. Честно говоря, я не знаю, как вы сейчас ко мне прорвались, каким-то чудом...

Я улыбнулся.

– Что Вы, для меня это такая мелочь...

С благожелательной, деланно равнодушной улыбкой он принимал мои восхищения клубом. Прошелся по кассам, приценился. Оглядел залы – зеленый, синий. Не спеша оделся, постоял перед зеркалом, остался доволен собой и вышел в холодную вечернюю пропасть города.

Глава 5. Три минуты с домом

По совету милой прохожей, до «Гаваны» дошел пешком. Последняя встреча, и Почтамт совсем рядом. Я решил, раз встречи проходят быстро, заскочить на телеграф, удостовериться в том, что от них можно звонить по международной. Издалека, с той стороны улицы померещился подвох: время работы «С 9 до 18»! Это конец...

Перебежав через улицу, взгляделся: это время работы «Связного». Выдохнул. И все же, я не имел права на ошибку. Скорее к окошкам, где, как обычно, гудит толпа.

Наконец, когда бойкие старушки сняли осаду с касс, протиснувшись, выдохнул свои сомнения в лицо миловидной телефонистки:

У вас можно сделать международный звонок?

Да, вот кабинки.

А до сколько работаете?

И хотя везде выведено: «КРУГЛОСУТОЧНО», она улыбнулась:

— Круглосуточно.

У кого-то есть силы улыбаться. Облегченно улыбаюсь и я.

В почти болезненном наслаждении от предвкушения звонка, оглядел «Гавану». Похож на нашу Плазу. От всех этих двойных и тройных приятностей слегка саднило горло.

За оранжевой стойкой девушка объясняет бесконечно мило, долго и непонятно:

– Вам нужно в офис. Выйдете через правый выход, обойдете Центр, на Пролетарскую, 34, там будет белое мраморное крыльцо, второй этаж, офис Молния, 8.

Из того, что она сказала, я понял только «Пролетарская». На Пролетарской, 1 в нашем городе находится психушка, а на Пролетарской, 99 – наркология.

Побеседовал. Они, конечно, подумают. Подумайте, подумайте. К тому времени, как вы надумаете, мне на это будет уже наплевать.

В опустевшем маленьком отделении почты набралось шестьдесят рублей – на пять минут. Хватит, чтобы поздравить сына, спросить, как нога Инги Петровны, узнать про справку ну и так, послушать голос.

Потом что-то случилось.

Я выходил из кабины. Телефонисты советовались, звонили куда-то, спрашивали, как звонить в город П, через какие цифры и коды. И ни один из них не был верным: не было никакой связи с моим сыном. Номер не набирался.

Адской каруселью телефонный диск крутился пятьдесят минут. Жерновом наматывал мои нервы на свою пластмассовую оболочку. Бесстрастно слушала трубка мои ругательства, бесплодным эхом отдавались они в железном сердце телефонной кабины.

Девушка, соедините меня как –нибудь... или я умру.

Она посмотрела на меня уже без улыбки. И снова стала набирать.

Беззвучно и сухо, я плакал. Пришел в пять сорок. Они ждут звонка, у них уже почти восемь. А у нас почти семь. И скоро они лягут спать.

Это безумие, как будто кто-то решил меня доконать.

– Вы после восьми набирали десять, а потом код города?

– Да! Восемь, десять, триста двенадцать и номер...

– Может попробовать с кодом страны?

– Я пробовал! Ничего не выходит...

– Тогда переговоры заказывать. Надо будет ждать в течение часа.

– Давайте, буду ждать...

– Это стоит восемнадцать пятьдесят за минуту.

– Хорошо. Насколько у меня там хватает?

– На три минуты.

– Хорошо.

– Подождите пока... – она отвернулась к трубке и уже говорила кому-то извне, – здравствуйте, С П можно заказать три минуты? Пригласить?.. Кого пригласить?

– Ингу Петровну...

Ингу Петровну, точный номер, код города триста двенадцать. Спасибо...

Она снова поворачивается ко мне.

– Ждите!

– Я могу выйти на пять минут?

– Только ненадолго.

Но, выкурив сигарету до половины, я зачем-то забычковал ее и понесся обратно.

Забежал, и сразу телефонистка:

– Скорее, в восьмую кабину!

Залетев, ударившись локтем, схватил трубку и услышал металлический голос:

– У вас три минуты. Соединяю. Город П. Инга Петровна у телефона. За тридцать секунд услышите сигнал к окончанию. Потом вас разъединят.

– Да, понял.

И тут же до крика знакомое:

– Алё? Кто это? А, Степка... привет!

– Инга Петровна! Как дела?

– Сейчас...

Они возились где-то возле трубки бесконечно. Я закричал:

Инга Петровна, поговорите со мной! У меня только три минуты!

И вдруг издалека:

– Привет, пап! Как дела?

– С днем рождения, сына...

– Спасибо! – звенел, переливался его голосок, – тут мама подарила мне компьютер, вот сижу – играю!

– Ох, молодец, – лицо мое было совсем анимично. Так далеко и в то же время прямо возле моего уха что-то бубунила Инга Петровна. Макс повторял за ней.

– Баба Инга подарила мне в конверте много денежки!..

– Ммм... Здорово! Даонис был у тебя? Играете? Ты не скучаешь?

Скучаю. Но я уже не плачу! Даониса мама сегодня ко мне не пустила – у него уроки... Ну пока, – Инга Петровна подгоняет его так громко, что теперь я ее прекрасно слышу.

– Целую тебя, сына, пока, милый... Инга Петровна, извините, что не звонил, у меня тут такие проблемы со связью – телефон мой пропал, а больше звонить неоткуда... Как вы? Что со справкой?

Справка о разводе, которую достает моя бывшая жена Лина, нужна для принятия нового гражданства и стоит много крови и денег. Они шуршат далекими, как из подземелья, сомнениями. Наконец, трубку берет Лина.

Нет, телефон домашний я свой не знаю – он был записан в телефоне, который утопила в водке квартирная хозяйка – алкоголичка.

– Во вторник вечером в восемь часов, я буду в пригороде, на выездном аквагримме. Ты позвони туда и расскажи что со справкой.

– Ты хоть смс мне с чужого скинь.

Она не понимает, что нет здесь для меня телефонов, с которых можно скинуть смс. Этот почтайт – единственное место на свете, где я сейчас могу услышать их голос, узнать, что не один на свете.

В трубке раздался писк, и я понял, что нас сейчас разъединят:

– В пригороде, во вторник в восемь – звони мне туда!

Все, тишина, гудки. Я не знал, успела она услышать меня или нет.

– Спасибо вам большое, – сказал телефонистке и шагнул в черную пасть холодного ночного мегаполиса.

И вдруг я понял, что в сумке блокнот, а в нем записан мой домашний номер, где я снимаю комнату. Она бы могла мне позвонить через час, а не через шесть дней.

Было уже темно.

Я закурил. Не заметив ступеньку, оступился и упал в своих светлых брюках прямо в лужу. Пытаясь затереть пятно, развозил его еще хуже. А хотел зайти в магазин насчет работы... И удивительной синевы круги под глазами меня не особенно красят, а теперь совсем: «Здравствуйте, Мэрлин Менсон!..»

Поплелся через «Гавану», где три часа назад был почти счастлив, теперь бессильный, обесточенный, грязный. Бывшая, которую я давно уже не люблю, чужая, неприятная мне женщина. Я скакал бы от счастья, услышав сейчас в трубке ее голос. Я бы все отдал за то, чтобы в моем кармане в ту минуту лежал телефон и чтобы услышать хоть кого-то, кто может назвать меня по имени. Я бы рассказал ей, как мне тут живется – хоть вздернись: непонятная работа, непонятно что с гражданством, как дальше жить – непонятно.

Пусть даже приедет, если хочет – плевать. Лишь бы кто-то был рядом. Только не эта пустая комната, где не с кем словом перекинуться по вечерам. Осталось только с бабкой – алкаголичкой вести беседы «за жисть» под ее же горькую.

Позвонит она, и что я ей скажу? Ведь это был мой выбор. Никто не виноват, что так получилось. Кто ее здесь пропишет? И как я буду жить с ней, когда она почти три года жила без меня, с другим женщиной и – ничего...?

Все они только говорят, что жить без нас не могут, а расстаются и живут прекрасно.

Слезы катились бесконтрольно, но было все равно – я практически рыдал, стоя на ветреном перекрестке возле «Гаваны», которая так похожа на нашу Плазу.

И кто виноват в том, что тысячи и миллионы таких же, как я, бегут с родины? Те, кто раньше был «соотечественником и братом», теперь носит позорную кличку гастарбайтера или трудового мигранта.

Но надо жить.

Пройдусь пешком – всего несколько остановок.

Девушки вокруг такие ухоженные, красивые, ребята – солидные, мощные. А я со своими тремя вещами, в которых хожу уже десять дней. В туфлях и зимней куртке, с синяками под глазами, а теперь еще и в грязных брюках...

Вот магазин нижнего белья. Скорее всего, тоже откажут – из-за гражданства. Мне отказали даже в Евросети. Даже в Эльдорадо.

Дают анкету. Спрашиваю. Говорят: нет, не берем без гражданства. Продуктовый, мимо которого я хожу неделю, не решаясь зайти и попроситься на работу в овощной отдел. Я ведь никогда не работал раньше продавцом, я писал картины.

Продавец смотрит сочувственно:

– И у вас нет гражданства?

– А что, много приходит?

– Много... Вот сегодня один с казахским паспортом приходил.

Значит, не я один такой. Кто-то есть еще в этом районе, у кого такая же проблема, как у меня. Встретить бы его, а ему встретить меня.

Но мне так не повезет.

Позавчера дернул из офиса якобы к клиенту. И – прямиком на плодобаза, плюнув на свои амбиции и межпозвонковую грыжу и полагая, что грузчиком – то устроиться можно с любым гражданством. И что вы думаете: попросили предьявить медкнижку...

Откуда у меня, спрашивается, медкнижка, в которой значится, что я здоров и готов трудиться грузчиком?

Иду домой. Решаю сократить путь и сворачиваю в переулок. Иду долго и не в ту сторону. Вчера случилось то же самое. Я ведь знаю, как идти, и все равно иду не туда.

Впотьмах.

Спрашиваю дорогу. Указывают, иду как робот. Что мне сделать сейчас, чтобы не сойти с ума?

Я шел и думал: ради чего все это? Как я представлял все это, везя с собой самое дорогое – диск с лелеемой папкой под названием «Бессмертные картины»? Что приду вот я к галеристу, а он, посмотрев на мои работы, вдруг поднимет изумленные глаза и скажет: «Какой же Вы талант, Степан, как долго мы вас ждали!», и тут же отправит писать с натуры Пугачеву...

И гражданство дадут через три месяца.

Какая чудовищная, нелепая ошибка. Ну, а если все же верить и делать? Что тогда?..

Я пришел домой, к моей старухе. Вместо того чтобы сократить путь на пять минут, я увеличил его на двадцать. Изможден и спокоен: у него компьютер, подарки, его любят, о нем заботятся. Они не нуждаются, они в порядке.

Значит, и мне можно жить дальше. Я прорвусь.

Бабуля, как всегда, входит без стука, распространяя вокруг себя отборное зловоние палевого бухла. Я полуголый, но нет сил махнуть на нее рукой.

Она спешит расспросить меня обо всем. Она заботится обо мне. Она, в сущности, неплохая женщина.

– Что так поздно? А?.. – выпив, она обычно начинает плохо слышать.

– Домой звонил. Сына с днем рождения поздравил.

– Ах, сыночек... Сколько ему?..

Сегодня исполнилось пять..

Пять. Уууу... вот, а папочки нет... Ну отдыхай, отдыхай.

Я выхожу на балкон. Две последние сигареты, а ведь эту пачку купил сегодня утром.

Под балконом переругиваются подвыпившие мужчина и женщина. Он что-то настойчиво просит у нее, она никак не соглашается это ему дать. Темная тоскливая осень заглядывает в лицо.

Как будет дальше?

Высоко в небе замигала красная точка. И я вспомнил, как там, на родине, давным – давно, так же глядя на далекие мерцающие точки в небе, я мечтал, что когда –нибудь уеду. И стану счастливым...

И теперь снова хочется заплакать. От чего?

...И лучше тебе не знать,

Как я живу и чем.

С кем, когда и зачем.

Вижу какие сны,

И как я боюсь зимы.

Как страшно по вечерам

И как хочу домой, к вам.

Как плачу, видя детей.

И от своих же затей.

Пью, словно воду, вино

Думаю, глядя в окно.

Тело привычно дрожит.

Здравствуй, сладкая жизнь!

С днем рождения, сынок!

Хорошо, что нет снега. Поеду подработать на аквагримм в выходные, заберу сапоги из ремонта – потом пусть идет.

Глава 6. Степачка и Линачка

На голове у меня вырос рог.

Доктор осмотрел меня. За последний месяц он осматривал меня пятый раз. Реакция его была одинаковой:

Ничего не могу понять... Что с вами творится? Ей – Богу, – выдыхал он, – к ревматологу, только к нему. Избыток кальция, знаете, не шутки.

Я не женат, а рог свербит. Сил уже никаких, как свербит. Я уже китайскими палочками чешу голову, а все свербит. Оно музыкой проходит. Звук, как, знаете, будильник звонит и звонит утром...

Нервный тик..?

Я молчал. Доктор смотрел в сторону, равнодушно, как картонный человечек, которого чьи-то пальцы двигают по заезженной колее. Звук пробивал голову. Он топорщился, лез иглками, дергал ниточки в моем мозгу с настойчивостью садиста.

Я поднялся на поверхность, и, наконец, вынырнул. Опустив руку, пытался нашарить телефон на полу возле кровати. Дикая мелодия кантри рвала нервы из дальнего угла комнаты.

Откинув теплое одеяло, выскользнул в стильную комнату.

Да...

Из трубки доносилось клокотание, словно как повреждение на линии.

– Аллё!

Степачка... Степа, слышишь? Линачка умерла...

Плач нарастал. Так мелкий дождь превращается в ливень. В шторм. В цунами. В рыдания.

Я чуть не спросил, какая Линачка. Но тут понял, что это Лина.

КАК???

Инга Петровна, а это была она, промычала:

Ночью... Перевернулись на машине в горах... У нас ливень был...

Я вскочил, что-то делал. Только когда Инга Петровна положила трубку, разглядел себя голого в отражении балконной двери с почти докуренной сигаретой во рту.

Вышел из комнаты, в чем был: в трусах. Старуха не заметила или включила деликатность.

Заглянула в лицо, проверещала:

Случилось что, Степочка?

В кухне заметался из угла в угол – забыл, зачем пришел. Она заковыляла из комнаты.

Степа, что с тобой?

Жена бывшая умерла.

В деланном ужасе и похмельном трясуне, всплеснула руками:

Айяйяй! Ох, что же теперь. Да... горе-то какое, – опустилась на стул, делая вид, что не смотрит на мои ноги. Но бесцветные ее глаза шныряли туда – сюда. Бросила критичный взгляд на стол, подвинула истерзанную тряпку к сахарнице, оценила, поджав губы, положение предметов и никак не могла пристроить псориазные руки. – А родственники там-то есть? А сынишка – то с ей?

С ней... Забирать теперь его надо.

Мммм, – покачала она головой. – Ну привози сюда, я не возражаю.

Я посмотрел на нее: привести сюда ребенка? Когда дети слушают пьяную брань и скандалы родных, это можно свалить на квартирный вопрос. Но когда это беснующаяся посторонняя сущность... Значит, по приезду надо будет искать жилье. С ребенком... С чемоданами, бесполезными любимыми вазочками и столетними шмотками.

Господи, это конец.

Как жалко девочку... а сколько лет?

Кому?

Жене твоей, кому!

Тридцать один, – вспомнил не сразу.

Ты не горюй, переживем... Любишь ее до сих пор, да?

Дикость вопроса в иную минуту поразила бы меня.

Я отвернулся. С дерева срывались бурые листья, их несло далеко, за пределы видимости.

Вот так же и мы срываемся из этой жизни и улетаем – за пределы видимости.

Вспомнились волосы Лины... Такого же цвета копна. И как она ложилась на мои голые колени, и волосы рассыпались...

Гнилостный запах захлестнул. Теплый душок густого куриного варева из кастрюли и сладковатый едкий, незабываемый – разлагающегося тела. Или листьев. Его нельзя спутать ни с каким другим, ни забыть. Единственный запах, который можно воспроизвести в памяти. Этот дух теперь врос, как ноготь в кожу, в воспоминания о Лине.

Чайку вскипячу. А то вон трясёлся весь...

Кое-как переставляя отечные ноги, завозилась у плиты.

Голова моя была обита ватным. Подслушай кто мои пульсирующие мысли, испытал бы отвращение. Я думал о деньгах на похороны, о том, как буду жить с сыном здесь, в чужом городе, один. О том, что надо будет ехать двое суток на перекладных, о моей неудавшейся профессии и судьбе. Но совсем не о той женщине, которую когда-то любил.

Денег не было совсем. Хватит только на дорогу туда. Те два – три – четыре месяца, которые оставил себе для разгона, растаяли в гнетущем осеннем тумане над моим балконом. Его мутные глаза убивали надежды.

Кто – то постучал по спине птичьей лапкой: старуха, улыбаясь, протягивала брюки. И я понял: чтобы больше никогда не видеть этих глаз, мне нужны деньги.

Глава 7. Ёбург

Предрасветное небо щемящих предчувствий глядело на землю: непутевый отпрыск с котомкой бредет по свету. Шурило обветренные глаза, плакало. В автобусе я ехал в Ёбург.

Мерцает табло: на улице минус тридцать два. Пока шел от остановки к автобусу, дыхание не успевало протиснуться внутрь – замерзло прямо в горле. Забавно: в Свердловск я еду по Свердловскому проспекту, что на северо-западе города М. Начало прямо по Хичкоку: к северу через северо-запад⁹.

Луна темно-бордового цвета, как в пластилиновом мультфильме, стремительно летит на наш автобус. По салону порхает песенка Светы¹⁰, и мне весело.

Луна начинает погружаться в озеро. Содрогаюсь – какво это: прорезать в звенящий мороз собственным мягким телом отрешенное черное стекло?

У тебя всегда есть два пути. Можно не выдержать и в последнем порыве загрызающей ярости вернуться. Ты будешь делать вид, что не очень-то и хотелось, рассказывать всем, как «там» тяжело, делать кислую мину. Но, обожженный навеки, прежним ты не станешь.

Это путь жалости к себе. И ты сильно рискуешь сделать его своим навсегда. Своей судьбой.

Второй путь — не думать и идти дальше. Начнешь думать — тебе край. Тупо, целенаправленно, ты терпишь. И однажды ты понимаешь вдруг, что стало легко. Но это будет нескоро.

Надо выбрать. Здесь надо выбирать каждую минуту. И на остальное не остается времени и сил.

Ёбург поразил меня. Есть в облике его что – то по – настоящему мощное, огромное, безоглядное, расхристанное. Это не М, изошренный, порочный, изящный, как Дориан Грей. Ёбург – настоящий уралец, золотых приисков хозяин, на худой конец, бородатый купец.

Здания крепкие, широколапые, магазины – многоэтажки стоят твердо, глядят гордо. Мимо проплывает гигантский полукруг цирка с невиданными полотнами афиш. Головокружительные коромысла мостов над неизвестной рекой. Он напомнил мне луна-парк, в который мы ходили с бабушкой, когда мне было лет пять. Тогда мне тоже казалось, что я попал в космос...

Вот такая она, столица Урала. И люди в ней такие же: по сравнению с моей родной деревней – немыслимые, дерзкие, медвежьей своей грубости не замечающие. Продавцы все как на подбор – то картавят, то глотают слова. Маршрутчик, разумеется, высаживает меня за пару остановок до Большенковой улицы. Рысью да по морозцу, сквозь ледяной воздух, мимо зеркальных башен.

Я понимаю, что сейчас точно примерзну к своему синему куску дерматина, но из-за бесконечных стеклянных расписных магазинов показывается дом под номером сто пять. Это Консульство.

Над зданием развевается милый флаг: красное солнце, посередине юрта. На сердце теплеет: кусочек родины...

В теплом Консульстве прислоняюсь к батарее. Слезы текут по лицу то ли от обморожения, то ли оттого, что из потрепанной мибилы парня справа вместо рингтона вдруг раздастся мелодия Гимна. Все глазают на мое красное мокрое лицо, мне неловко, но удержаться нет сил.

⁹ – Имеется в виду один из фильмов Альфреда Хичкока «К северу через северо-запад».

¹⁰ – певицы Светы

В Сбербанке Ёбурга служащая разглядывает мой синий паспорт – вертит, как мартышка очки. Кто сказал, что блондинки глупые? Ольга Лапина – «Специалист», как написано на бейдже – брюнетка.

– Девушка, я уже двадцать минут разглядываю вашу милую прическу, – начинаю я. Но тут, задыхаясь с мороза, подходит пожилая азиатка. «Специалист», брезгливо повертев ее зеленую книжицу, потребовала перевести паспорт на русский язык и нотариально заверить копию.

– А без этого можете возвращаться на родину!

Азиатка кивнула и вышла вон в морозный ад. А я уже без возмущения снова залюбовался прической Ольги Лапиной.

Фотографироваться можно только в одной студии – через два квартала. И страшно, и надо шагнуть в морозный белесый мрак. Перебежками добираюсь до обмороженных ступенек. Дышу.

Трое студентов, холеных, домашних, ёбургских, рассматривают образцы фотографий. Тычут на фото пожилого киргиза, смеются:

– Хочешь себе киргизский паспорт?

Сижусь оскорбленный. Надо отомстить. Что-то сказать, но что? Студенты удаляются за брезентовые занавесы. Подхожу к фотографше:

– Скажите, почему у вас на вывеске ошибка?

Фотографша подается в сторону стенда, и я вижу сквозь ее очки, как она щурит глазки, выискивая ошибку в выверенном тексте.

– Где?..

– У вас написано: киргизский, а правильно — кыргызский!

И гордо удаляюсь в свою кабинку с брезентом под осовевший взгляд фотографши. Отмщено.

Сдав документы в Консульство, спешу к вокзалу. Документы у консула, через три – четыре месяца получу паспорт другого цвета. Его не будут бросать мне в лицо.

Ехал я домой. Совсем домой.

Билетов не было. Добирался на перекладных – сутки до Астаны. В поезде пухлорукая россиянка, обмахиваясь расписным веером, жаловалась проводнице:

– Жарко! Убавьте отопление!

Проводница – казашка усмехнулась:

– Потерпите: утром в Астану приедем, там прохладнее будет – минус 32!

В Астане добежал в своем куске дерматина под цвет лица до автобуса на Алматы. Девятнадцать часов с прижатыми к животу коленями, задрал голову, пытался вникнуть в детектив на DVD и перестать сходить с ума от никотинового голода. Дивно радушные казахи, окружившие креслами со всех сторон, звали в гости. Но я пересилил себя, не поддался.

Сел в такси. И спустя четыре часа увидел родные горы.

Глава 8. Дома. Есть кто живой?

Думал: задохнусь на глазах таксиста, когда ехал по слякотным улочкам города, где никогда не бывает зимы. Думал: как скажу ему заветные два слова «Чайковского девятнадцать» и как увижу синие ворота, которые виделись в болючих снах.

И ступлю на лысый асфальт, и выпрыгнет сердце, когда нажму на белую кнопку, которую когда – то сам привинчивал к воротам, и услышу шаги, а потом певучее: кто там?

Почти сбылось.

Только Инга Петровна постарела.

Мишка вытащил откуда-то мою тужурку, зеленые тапки для улицы и обалденную, на все случаи жизни, куртку. От всего этого веяло той прощальной осенью, где был *тот* Степа, который уехал навсегда. Куртку эту, как символ *той*, старой жизни, два месяца назад наказал сжечь, выкинуть, отдать, распотрошить – я уезжал навсегда.

А они сохранили.

Это был родной дом.

Дом был она пять комнат, отстроенный полковником – дедом Лины и Мишки в хорошие для семьи советские времена. Теперь содержание его гигантского тела непосильно. Дом безжалостно сжирал тепло. Да так скоро, что до ног оно уже не доходило – висело где-то под потолком.

Вялыми шагами мерила комнаты Инга Петровна, тусклая, уставшая от старой его машины, вечно сырых стен, ледяного пола и враждебных комнат. Здесь однажды стоял гроб с ее дочерью, не успевшей стать матерью во второй раз.

Вещи Лины – половина ее комнаты. Бывшая теща попросила:

– Степ, переберешь? Я не могу. Немножко Линочкиного оставь, а остальное...

И давай всхлипывать. Глаза на мокром месте.

Дом готовили к продаже, а покупателей за такую цену не было. Инга Петровна уезжала к сестре в другой город, и ей должно было хватить на однушку.

А мне приготовили новый статус. Я становился гражданином мира. Или просто: бомжом.

Вещи как попрятались по коробкам и ящикам, спасаясь от ее тяжелого мутного взгляда. Выуживал их оттуда – обманным невниманием или насилием.

Конспекты, забытые у Лины однокурсниками, разглядывал с удивлением. Мы учились на одном этаже, и я помнил их – очкастых ботаничек, теперь превратившихся в солидных теток с мужьями, детьми, семейными курортами. И дядек – бородатых арт-критиков, радиоведущих и учителей черчения.

Скучные пары измерялись стихами. Ее. Когда у наших групп были совмещенные пары, пачкал своими поля ее конспектов и я.

Хорошо, когда не стареют мальчики.

Их глаза съедает моль.

Засыпаны рыжими точками пальчики.

Алкоголь.

Хорошо, когда не стареют девочки.

Животы их обвисли до земли.

Их враги лишь мусорные баки

И мартовские коты. Стиляги.

Хорошо, что я не старею...

Апрель 00

Или вот, еле разберешь, как спьяну написанное:

Хэппи дэй Миля солнца. Цвет детской кожи

*Панцирь ракушки.
В мочках ушей как цветные игрушки.
В зеркале – брызги
Бирюзово окрашенной отсутствующей мысли.
Красные объятия сжимаемого платья.
Вот они: крошки на карнизе
От подгоревшего грибного пирога.
И изредка проглядывают глазки изюма.
Или поля опенковой панамки,
С полянки украденного-
Маленький подарок из моей субботы.
Любви нет. Нет работы
Ткать красные нитки, сдувать пылинки
С зеркала...
Хватит тратить монеты на букеты!
25.04.00*

А рисунки! Листал, удивлялся ослепительному океану красок. Неслась жизнь. А тогда она казалась скучной, серой, одинокой...

Отринутое понес к сараю – на сжигание – и увидел чудовищное: Инга Петровна выбросила книги. Агнцами на заклание лежали они обездвиженные, онемевшие. Гоголь, Достоевский, Кастанеда, Шагал, Дали, Сартр, Маяковский...

Мама собрала, – пояснил Мишка, затыкаясь.

– Что же такое, Инга Петровна, вы делаете, – дышал я на нее табачным перегаром?

Даже возле плиты она была непроницаема.

– А, ты про макулатуру?

– Здесь же весь Чехов, его Линка полжизни собирала.

– А вот чтоб не напоминало... Да и все равно продавать...

Причмокнула с деланным безразличием, пробуя суп на соль.

Чехов, любимый моей бывшей, Булгаков, Бунин, мой Набоков... Хер!

Когда Инга Петровна отлучилась в магазин, собрал «макулатуру» в два неподъемных чемодана и оттащил нашему «образованному дворнику», книгочею – Витьку Казанцеву. Знал – он из тех, кто и в суровый мороз не растопит книгами печку. Ни в стылom доме, ни в своей дворничкой. Если не будет дров, и денег на дрова тоже не будет – не растопит, перетерпит. А если однажды разбогатеет и сможет купить мяса, не станет обмахивать удобной твердой обложкой шашлыки.

Таких людей в нашем нищем районе оставались единицы. Мне повезло.

Приехал я не только за сыном. Приехал забрать с собой Элю. Мою Эличку.

Без нее я загибался. Не мог без нее. Чума на оба наши дома.

Субботним утром я с разбегу нырнул в клоаку цветастой, красочной до зуда китайской дешевизны. Как думал: приеду, затарюсь тем, что рука неймет на чужбине. Мне нужна была только шапка. Остальное – сыну. Да потеплее – едем из зимы азиатской, милой, слякотной в дикую стыть, спасение от которой лишь в шубах, при виде цены на которые невольно вскидываешь бровь.

Честно прикинув свои финансы, решил перекантоваться в своем клочке синего дерматина. Но шапка... Говорят, голова – не жопа – завяжи и лежи. Вот и я завязываю вовсе не голову. Сила приоритета.

Набрал для Макса целый тюк: шерстяные носочки, свитерочки, подштанники, перчатки, комбез – все за копейки: сказывались близость к Китаю и местная дешевая рабочая сила. Но шапку себе так и не выбрал.

Мы обрывали канаты – наши корни рвали. Одной из последних ниточек была выписка Макса из садика и открепление от поликлиники. Пожилая педиатр делала последние заметки в карте Макса.

– И куда путь держите?

– В М.

– О... простите, с таким здоровьем... – листала карту Макса. Слабый иммунитет у него.

А вы его на север везете.

– Но у меня там уже работа, я документы на гражданство подал...

Я осекся под ее взглядом.

– ...и все устроено...

Опять ложь: впереди омерзительный поиск жилья и страх.

Доктор потянула носом, словно вдыхая запах вранья.

– Смотрите сами. Я обязана предупредить, что для ребенка такой климат не благоприятен.

– А что с ним может случиться?

– Да что угодно. Заболеть может. Посмотрите, какие курсы лечения он проходил. Вы вообще знаете об этом?

А правда: я ничего не знаю о том, как Лина лечила ребенка, чем он болел. Меня как ошпарило. Доктор заметила.

– Хотя... медицина сейчас там сильная... И оборудование, и повышение квалификации врачи имеют... Дай Бог, не переживайте. Бассейн, свежий воздух, природа... Да, Максик?

Макс просиял от того, что его заметили, закивал.

Он протянул карту, мы вышли. Всё.

Два месяца назад уехал я отсюда, из родной страны. Плакал месяц. Плакал, когда видел с гордой радостью и ужасом поезда, несущиеся на север. На таком же из них потом и уехал. Ходил по знакомым, пил с ними, пил один, сидел на лавочках в парке, фотографировал памятники, вокзалы. Называл это «прощаться с родиной».

А тронулся поезд, и ничего не дрогнуло в сердце. Прислушался, затаился, нет, не дрогнуло. На флешке увез с собой все: и филармонию, и придорожные кафе, и много – много Макса... Потом обнаружилось, что ни одной фотографии Эли не было. Потом, правда, нашел.

Тошнило от предчувствия. И сейчас тошнит, как тогда. От предчувствия.

За свой старый ноут сел только раз. И понял – он стал чужим. В нем не было больше ничего моего. Музу и ту снес Мишка – записал свою.

Ноут часто был мне отменным собутыльником, порой пиво доставалось и ему. Он знал, какую песню я поставлю, когда работаю, рисую или плачу. Он знал обо мне уж точно больше, чем кто-либо из живых.

Теперь он стал чужим. Как женщина, которая разлюбила тебя и теперь любит твоего двоюродного брата. Качает ногой в такт его песням, смеется над его шутками, терпит его пьяный бред.

Я подарил его Мишке.

Глава 9. Чума на оба наши дома. Эля

Сперва, – начинала так обычно.

«Сперва». Какое восхитительное слово «сперва». Слова – магическая субстанция. Одна буква отравляет весь смысл: сперва – сперма или стерва. Гадить – гадать, угадать, отгадать, откатать, отказать, отмазать. Так «гадить» превращается в «обмазать».

«Сперва» появилась Эля.

Она была однокурсницей соседа, Кирюхи Диканина. Кирюха, здоровый, патлатый, тихий «сектант – трупорез», как называли его подъездные старушки, всегда небритый, с нечесаными патлами до пояса, собранными в сальный хвост, учился в меде. Все время он проводил или в морге, или в библиотеке, или в «секте». В «секте» он аккомпанировал на пианино, мысленно воспаряя надо всем съемным помещением музея изобразительных искусств.

У него был пунктик, странный для его юных лет: любую тему неизменно сводить к технике препарирования трупа. Быть может, во время зачета переучился парень, с кем не бывает, только общаться с ним находилось желающих все меньше. Скоро Кирюха начал обсуждать спорные решения судмедэкспертов в компании самого себя.

Даже приподъездные старушки не заговаривали с ним, хотя пройти мимо них вечером для любого другого было настоящим прокрустовым ложем. Оно и понятно: в их преклонном возрасте вдаваться в подробности будущей профессии Кирилла было неуместно.

Ни о каких девушках, кроме тех, кого он встречал на столе судмедэксперта во время практики, думать Кириллу не приходилось и не умелось. Но однажды, выходя из квартиры, я заметил, как от Кирюхи – по стеночке, по стеночке – выползает девочка – тростинка. Вскоре зашептались о том, что у Кирюхи, наконец, появилась девушка.

Эля со второго курса работала ночной сиделкой, поэтому в универе появлялась редко. Зачастила к Кирюхе за конспектами лекций. То, что приходит она не только из-за них, он понял не сразу.

Через пару месяцев их стали видеть вместе на улице. А спустя еще полгода Кирилл угорел в своей квартире. Угрюмый детина, коллега усопшего, установил, что смерть наступила между полуднем и двумя часами дня.

В тот полдень, проспавшийся после какой-то пьянки, я выволок на свет божий, а именно на лестничную площадку, звенящий на все лады пакет с пустыми бутылками и банками из – под пива и водки.

Уже закрывая дверь, содрогнулся: между ядовито – зеленой стенкой лестничной площадки и коричневой ободранной дверью Кирюхиной квартиры, сползло по стене вниз существо в белом балахоне.

Бутылки загремели, существо тихонько взвизгнуло и зыркнуло в сторону оглушающего звука. Глаза на этом прозрачном лице были безумные, как у ошпаренной кошки, сгорбившаяся спина и совершенно бесцветные волосы – медуза – горгона. Белесое существо в балахоне замерло и уставилось на меня. Взгляд был умоляющий, а балахон с капюшоном прямо-таки инквизиторский, не хватало креста на спине.

Но только существо пустилось бежать, я убедился, что крест на спине все же есть. Что если в квартире Кирюхи теперь живут гигантские пауки-крестоносцы, и это один из них?

Встряхнулся:

Все, хорош пить...

Тем бы все и кончилось. Но в тот день задохнулся Кирюха. А вечером, перед самым приходом ментов, существо вернулось. И, положив костистую лапку мне на плечо, вдохнула в мои легкие странный дым. Существо откинуло капюшон и оказалось Элей.

То, что она была левша, заводило отчего – то нереально. Мы измучили ее челку постоянным прикосновением пальцев.

Стали жить вместе. Прошло семь месяцев. А потом я уехал искать счастья.

Днем, чтобы чем-то заняться, бродил по черно-белым тротуарам, где никогда не залежится снег, рассматривал прохожих в почти летних куртках. Вспомнил, как еще позавчера сходил с ума от адского ветра, метель, залепившую мокрой шалью лобовое стекло автобуса; полусон, полуявь где-то между Астаной и Карагандой.

На площади дети фотографируются с Дедом Морозом. С удивлением понял, что скоро Новый год.

Так честно держался три дня. Потом не выдержал и, забирая Макса из садика, завернул в переулок. Сердце колотилось. Набрал знакомые цифры. Щелчок и хриплое «Да».

Эля, привет.

Привет. Это кто?

Не узнала что ли?

Степка, ты? Здесь? Давно приехал?

Во вторник...

И не звонил! Ну ты и собака! Я зайду вечером. Давай.

Вот и все. Не успел я сказать, чтобы не заходила и что я зайду к ней сам, из трубки доносились гудки.

Я ждал вечера: что – то будет.

Глава 10. Магда

Вечером в прихожей красовалась пара нарядных красных сапожков. Из бутика – сразу видно. Но для наших сугробов придется ей купить нечто менее гламурное. «Дыша духами и туманами», выплыла она из комнаты в коричневом шелковом костюме, пошитом, само собой, у хорошей портнихи. Я обнял ее и задохнулся в облаке ледяного звука, воспарившего от низов небесно-голубого сопрано до непозволительного верха белого дисканта.

Но воскликнуть: «Милая, зачем ты надушилась?», значило испортить вечер. Это ни к чему. Прошел в дальнюю комнату и сделал ошибку: поставил на вибрацию.

Пили чай – надо было как-то греться в этом ледяном доме – от ледяных сердец мало пользы. Она жаловалась на прорабов и водил: мухлюют, пьют, накальвают. Я думал о телефоне в дальней комнате. Наконец, пока Макс показывал ей, как надо строить пирамидку так, чтобы она никогда не падала, я выскользнул в дальнюю комнату. Пропущенных звонков не было. Выдохнул: забыла, обманула. Это спасало все: я жалел, что позвонил.

Откупорили красное. Как-то сразу отпустило: мы приспустили бы галстуки, если бы они у нас были. Она откинулась на диванчике, закрутила пальчиком прядку. Я рассказал ей, как устраивался на свои первые работы, как толстые тетki швыряли мне в лицо мой синий паспорт, стыдя его цветом, как носился за клиентами. А эта странная фраза: «Я Вам наберу». Что наберут, куда?.. Стоял, уточнял. Потом дошло. Неужели нельзя сказать просто «позвоню»? У нас, например, так и говорят.

Она смеялась, кивала. Пора было уже заговорить *об этом*. И это было неподъемно.

Крича еще из комнаты, ворвался Максимка:

Папа, папа! Телефон звонит!

Он сунул мне в руку разрывающийся аппарат. Я нажал на отбой.

Шесть пропущенных. Эля.

Кто это? – пропела Магда.

Да так. Я тут... звонил насчет билетов, узнавал стоимость. Вот, просчитали, видимо.

Она взглянула на часы.

В одиннадцатом часу вечера? Что за контора?

– Магда, понимаешь... наверное, я не люблю тебя. Мне нужны деньги, и я рассчитываю на твои. А звонила мне Эля... —

...так надо было мне сказать.

Но я выключил телефон и отнес его в дальнюю комнату. Стыд свой я давно завесил тряпкой.

Магда приезжала каждый вечер. Снова пили чай – единственное, что никогда не заканчивалось в этом доме. Кивали, улыбались одним ртом, пытаясь собрать разбитые вдрызг отношения. Я ждал. А она все молчала. И о Петре никогда не говорила.

Нужно было уже брать билеты, время уходило, а я все не знал, решила ли она ехать.

Задаренный с ног до головы Макс носился безумный от машинок, бассейнов, поездок в боулинг и... любви. И от того, что теперь больше не ругает размякшая баба Инга. Рана от потери матери затягивалась.

– Мне нужна семья, – говорила Магда.

А мне нужны деньги, – думал я.

Ей нужен был ребенок. Мне – женщина. И деньги.

Она все молчала: ни да, ни нет. Наконец, я сказал, что еду за билетами.

– Давай куда-нибудь поедем, – сказала знакомо и забыто. Провела рукой по волосам – от лба к затылку. Я понял: она решила.

Этот жест был с ней, когда она говорила, что, наверное, любит меня. Когда заявляла, что никогда не пострижет свои длинющие ногти. Когда сообщила, что *этого ребенка* оставляет – аборт ей нельзя... Это было пять лет назад. Мне пришлось выбирать между *тем ребенком* и Максом. Я выбрал Макса. Точнее, Лину. А Магда выбрала аборт. О *том ребенке* больше не думал никто из нас.

Одним из лучших мясных кабаков нашего городка всегда был Овадон. Пивнушка, но элитная, если так можно сказать о пивнушке. На стоянке – иномарки – спортивные, внедорожники. Минимум интерьера – гладкие дубовые столы и скамейки. Максимум градуса, краткий набор слов и самый вкусный шашлык в городе.

Все для любимой публики: следаков, запрыгивающих в джип после пол-литра джина, торговцев побрякушками, угрюмых лысых типов, никогда не глядящих по сторонам. Метро-сексуалам здесь не место. Так и мы не из таких.

Магда в один присест осушила пол-кружки пива. Заказала сразу две порции мяса: она теперь много ела. Это была совсем другая женщина, и мне не верилось, что когда-то я ее так любил. Теперь то, что осталось от ее волос, было уныло схвачено в хвост, зависший где-то промеж лопаток.

Я решила: еду. Сегодня разговаривали... Он не против.

Она говорила так, словно незаметно откусила от кружки, и теперь битое стекло ранит ей рот. Стало неудобно. Как я буду жить с чужой женщиной? Как мы будем с ней гулять по выходным в парке?

Но затыкал себе рот сигаретой: как-нибудь. Главное – уехать, а там будет видно. Не верю, что она может любить это ничтожество. Хотеть его. Я увожу чужую женщину. Замерзшую замершую пружину.

Мы вышли. Она долго не могла открыть машину. Ее китайская сигналка срабатывала от свистка. И она все пыталась засвистеть, и свист не выходил. Тогда я засвистел, открыл машину и сам сел за руль: вести она не могла – она плакала.

Туча сгущалась. Становилось темнее. Как ни закрывай глаза, туча надвигалась все ближе. И колесо уже закрутилось. Катилось по земле, лопаля тяжестью железного тела чьи-то глупые головы и наматывая на жилистое тело волосы.

Глава 11. Пьяная. Безумная. Любовь. Втроем

Ночью кто-то настойчиво трезвонил в дверь. Мишка зашел ко мне с таким лицом, что я сразу все понял.

Степ, там к тебе, – бросил он через порог, как плюнул.

Спускаясь по лестнице, понимал, что не надо мне этого делать. И потом еще сумасшедшие три недели понимал то же. Но снова спускался, открывал дверь и принимал ее.

Было темно, и, распахнув дверь подъезда, увидел под фонарем только одну фигурку в капюшоне. Тогда я понял, что на самом деле вернулся за этой фигуркой. Она метнулась на меня, и спустя миг мы, сцепившись, поскользнулись, повалились в сугроб. Вставали и снова валялись, подрубленные то ли смехом, то ли рыданием, то ли голой, схватившейся водой на асфальте – не различишь, в снег роняли мобильники, как оказалось, абсолютно одинаковые.

Спрашивала, как я там, и не слушала – тараторила малопонятное. Взахлеб, вперемежку со слезами и упреками в том, что забыл ее, что-то рассказывала про отчима, который подал на нее в суд.

Что случилось, что случилось... Какая разница, что случилось. Ну заняла я у него денег и не отдала.

Почему не отдала?

Не собираюсь я ему отдавать! Он с моей матерью живет, я их всю жизнь поила – кормила. Почему я должна отдавать?..

Впереди маячил магазин, а в нем безразличный яркий свет. Мне бы волноваться, трепетать и дрожать: вот она, вот же она! Да, это та, о ком ты так плакал, это она, парень. Но не было ни волнения, ни радости. Мельгешащая, дергающая за руку женщина мешала. Хотелось дотронуться до моей, настоящей Эли, выкопать ее из кошмарного тряпья горячечной причиталки, в лицо которой я все никак не мог заглянуть.

Мы вошли. Она сдернула капюшон. Сначала я ничего не понял.

Что будешь? – по – хозяйски оглядела магазин, – у них Балтика обычно свежая. А двухлитровка уже месяц стоит.

Чё ты, какие месяц, эй, – высунулся из-за стеклянной стойки продавец в тубетейке, – вчера только завезли.

Да ладно, – махнула рукой, – нам Балтику пятерку и пятьдесят грамм «Столичной».

И тут я все понял: она была пьяна. Месяца два. Брови опустились над набухшими веками, ходуном ходившими руками отсчитала деньги. В тубетейке брезгливо налил в пластмассовый стакан, потом перелил в рюмку, поставил на стойку, вытер руки, вытащил потную из холодильника золотистую узкую бутылку...

Занюхать дай.

Ты мне еще с прошлого раза тридцатку должна, – проворчал ларечник, но горбушку черного хлеба отломил.

Левой поднесла рюмку к моей потной золотухе, как мы раньше называли «Балтику Золотистую»:

Давай, за проезд.

И опрокинула в себя водку.

Это был конец. За семь месяцев со мной она не сделала ни глотка. Даже когда пил я, даже когда напивался. Теперь глядела на меня с любопытством и испуганным нахальством. И это делало ее совсем беспомощной.

Нравлюсь?

Очень, – хлебнул я с непривычки вонючее пиво. Обожгло горло. Плохо пошло, запросилось наружу.

Суетливо смеялась, уже не хотела подробностей про мои мытарства, про то, как мне швыряли в лицо мой синий паспорт, указывая на его неправильный цвет... Жаловалась на отчима, вдруг переходила на неведомых новых подружек, и отхлебывала, отхлебывала мое пиво. Потом плакала.

Нарезали громадные круги вокруг дома – позвать ее домой было невыносимо, она всегда была на ножах с моими, а теперь и вовсе попрут. Ноги мои уже примерзали к земле, днем такой ласковой, а ночью мертвой. Я попытался проводить ее домой, на что она снова расплакалась. Стала валить меня в снег, до того сильная – не мог подняться. Когда все же мне удалось встать и отряхнуть ее от себя, упала передо мной и закричала, что убьет отчима, если я сейчас зайду домой. Отодрав от себя ее руки, забежал в подъезд и захлопнул дверь.

Я полагал, что лишившись свободных ушей, она от скуки отправится домой. Но ошибся. Полночи она белугой ревела под моими окнами, оглашая окрест моим именем вперемешку с угрозами и плачем. Я так и не вышел к ней, хотя до утра не сомкнул глаз. Когда ушла, лежал и гадал, разлюбил ли, окаменел ли. И выйду ли к ней в следующий раз.

Мы стали встречаться тайком. Я жил в двух реальностях. Если был в машине Магды, телефон стоял на вибро. И так как ласточка Магды была старенькая и работала громко, было не слышно. Тем более, телефон я всегда держал в ладони и, при случае, мог зажать ему рот. Но не выключал: хотел видеть ее звонки.

Каждый вечер пьяная Эля ломилась в дверь. Почти сразу, как уезжала Магда. То мычала, то выла, как животное. Я пускал ее в коридор, отчитывал, умолял, убирал ее блевотину. Мы выходили на площадку, каким-то чудом не просыпался никто из домашних. Кроме Мишки, который, почесывая волосатую грудь и щуря на нас глаза, отправлялся в туалет и, оставив после себя долгий звук шипящего бочка, удалялся к себе.

Мы шли к ее новым подругам, оставались ночевать. В сырой и жаркой чужой постели, в комнате, с одуряющим ароматом протухающей лилии, воцаренной в граненый стакан вместо вазы, вперемешку с крепким перегаром от нас обоих и многочисленных наших предшественников, на подушках – свидетелях ломкости судьбы, сквозь дым и тьму, я видел ее белесые кудри.

В тех комнатах никогда не было работающих часов, а окна были задраены наглухо газетой или краской. Так достигалась иллюзия бесконечно текущего, непрерывающегося ничем времени. Сбылась наша с ней мечта – мы были там, где рассвет не наступает никогда.

Проспавшись, она просила прощения. Как будто не понимая, что происходит, настаивала, что поедет со мной.

Ты же знаешь, что пью, потому что тебя нет! Не оставляй меня, я здесь сдохну...

Это была не Эля. И все же это была она. Я готовился сказать Магде, что еду с Элей. Но что – то не давало. Где-то был подвох. Я пока не понимал, где. И он был совсем не в пьянке.

Все вскрылось на Новый год.

Инга Петровна отправилась к подружке и увела Макса. Мишка поехал в клуб. Магда уехала к своим. А я остался один и с громким стуком сердца ждал Элю.

Мы настрогали салатов, пили, танцевали, целовались... И вдруг, как гром в раю, вваливается Магда, начинает таскать за волосы Элю. Женская борьба в сизом табачном дыму.

Кое – как растащил их. Рыдающие, пьяные, орущие, растерзанные, обе обвиняли меня в предательстве, требовали объяснений. По очереди затаскивал то одну, то другую в ванную и окунал в набравшуюся ванну.

Кровь их смешалась в одной воде и стала общей. Как их соки мешались в один общий – во мне. Волосы обеих – каштановые короткие и белесые длинные – сплетались в узел.

Отрезвав, они пытали меня. Снова пили. Ревели – я угрожал им ванной. Безумие закончилось утром наступившего года: мы решили ехать втроем.

Глава 12. Правда. Ложь

*Слеза из глаза, как по заказу
листок на столе, испещрен тесный.
Твоей ложью обезвожено сердце.*

Но Эля не поехала с нами: сначала ей нужно было продать дом. Всем в ту пору было нужно продать дом. Но, в отличие от Инги Петровны, у Эли уже был покупатель. Говорила, задержка только в его документах. Клялась, что завяжет с выпивкой. Мы уехали втроем: я, Макс и Магда. Я обещал ждать. И ждал.

Первое время сравнивал их. Глядя на тщательный салонный маникюр Магды, вспоминал залатанные ногти Эли. Когда лак немного облуплялся, она подкрашивала кончики ногтей и возле кутикулы, называя это заплатками.

А чего все ногти перекрашивать? Это же надо снять, подравнять, потом красить, ждать. А где у меня время?

Магду латающей ногти представить было невозможно.

Впервые в жизни она надела кухонный фартук, переданный ей когда-то матерью. Вышивка ручной работы, мудреные крученые бретельки, бежевое накрахмаленное полотно. Лина бы постеснялась вытирать о него руки, испачканные мукой. Магда приняла его как ежевечернюю робу. Она где-то откапывала все новые рецепты салатов из имбиря, мексиканских рыб, яблок, запеченных в красной фасоли по-корейски...

От всего этого мы все втроем, особенно Макс, непривычные к таким изыскам, бывало, мучились животами. И я даже смел критиковать ее.

Тогда Магда вытаскивала «бабушкины рецепты» пареного, тушеного, печеного. Прибегая из садика с Магдой, Макс первым делом кричал: «А что кушать?!» и с нескрываемым восхищением взбирался на стул перед каким-нибудь форшмаком или кулебякой.

На удивление быстро сошлась она и с хозяйкой. У той что-то в очередной раз замкнуло в голове, и она решила, что Магда – моя жена, а Макс – наш общий ребенок. Оставаясь одни, мы вдоволь потешались над ее пьяным бредом и даже не думали ее переубеждать.

Старуха восхищалась домовитостью моей «жены» и даже стала реже пить. Однажды я услышал ее разговор с дочерью – речь шла о переезде. Если бы старуха умела, она бы посвящала оды этой идеальной женщине, заботливой матери и терпеливой жене – Магде. Но она не умела, а потому просто задумала отдать нам в полное пользование всю свою двушку...

В садик Макса устроила тоже Магда. Темным утром, не зная ни дороги, ни номера маршрутки в департамент, с одним лишь адресом на клочке бумажки, отправилась она выбивать место моему сыну. К семи была в департаменте, в полвосьмого везла домой подписанное направление.

Никто и никогда в это не верил: местные девчонки встают в очередь на садик, едва забеременев. А мы, мигранты, без регистрации и гражданства, получили место в пять минут! Нам просто невероятно, неправдоподобно повезло: дело в том, что Максу было пять.

Именно в этом возрасте многие дети уходят в подготовительные садики при школах, куда они готовятся поступать, – объяснила начальник департамента Магде, – и места освобождаются. Вам просто крупно повезло, если бы ему было четыре или шесть, вы бы никогда не получили места.

Это был счастливый билет, бонус. Всегда есть какой-то бонус. У нас это был садик.

Там про нас уже всё знали. Откуда – неизвестно. Воспитательницы – я никак не мог запомнить ни их обличий, ни имен – оглядывали меня с головы до ног, делали сочувственные лица, понимающе кивали. Мне было одновременно лестно и неловко. Я представлял, как они судачили, мол, вот, какая женщина – воспитывает чужого ребенка. Придумывал им диалоги

и даже хотел написать их портреты. Но никак не мог запомнить их постоянно меняющиеся лица.

Больше всего я любил утра, когда нас будило нечто вертлявое, мокрое, неумолимое. Будь я Гоголем, подумал бы – чорт. Макс разевал ротик во всю ширь и щедро кричал над самым лицом Магды: «Шопинг! Шопинг!» Обладая редким талантом распоряжаться деньгами, одежду тоже покупала ему она.

Человек, покупающий ненужные вещи, впоследствии продает необходимое, – было ее любимой фразой.

Едва закрыв за ними дверь, я падал в сладкое, невероятно тягучее ощущение счастливого дня: весь день был мой – я мог рисовать.

Выйти во двор, постоять под обманным и все же теплым солнцем, шурясь, как довольный кот, разглядывать ссутулившихся женщин, совершающих субботний променад за продуктами, уже податых говорливых мужиков, девчушек с разрисованными мордочками и пробитыми ноздрями, пацанов с черными банками коктейлей в руках, с жадностью всматривающихся в молодые лица девиц.

Я наслаждался ими всеми, крал их взгляды, жесты, дыхание, боль, сутуловатость, легкость походок. Растворившись в своей жадности, забывал про свою жизнь, про Магду, Макса. И еще ждал – того самого, затерянного во времени и пространстве, покупателя дома Эли.

И был полон, как стакан сметаны. Сыт, предоставлен себе, освобожден, и забыл, что это опасно.

В перерывах между интенсивной семейной жизнью она, конечно, искала работу. Какого – то энергетика или управляющего. После очередной массовой рассылки резюме и тишины, следовавшей за этим криком в пустоту, ходила мрачная. И я, хронически слепой и глухой от напряженного ожидания звонка Эли, думал, что это причина.

Но однажды услышал, как она разговаривает с Петром. Узнал, но продолжал играть по правилам, приходил вечером после работы, как настоящий муж.

Как поговорили? – нанизывал колечки баклажана на вилку.

Нормально. Объект заканчивают.

«Нормально...»

Понимающе кивал. Додумывал остальное сам. Он, конечно, умоляет вернуться. Она пока ломается. Пока. Я стал ждать – когда. И все же надеялся на чудо. На то, что прирастет к чужому ребенку. И ко мне.

Так мы и верно зажили втроем: я, Магда и Петр.

И однажды все случилось.

Глупая белела на столе бумага из моих – взяла первую попавшуюся, акварельную. И спотыкающийся, неровный карандаш заполошно метал бисер:

...Дорогой Степа, я люблю нашего Максимку. Но, Степ, я хочу своего (вычеркнуто) моего. Мне 35 лет, сколько мне осталось?! а ты все равно меня не любишь. Если увижу Эльзу, передам, что ты ее ждешь. И, Степа, если что звони, насчет Макса что узнать или просто – я на связи. Просто не смогла так (крупно) больше. Надеюсь на твое понимание. Магда.

«Уважаемый абонент, в связи с техническими работами, ресурс будет временно недоступен. Период блокировки связи неизвестен. Надеемся на ваше понимание» – вот на что похоже твое письмо, дорогая Магда.

И слезы из глаза, как по заказу

и листок на столе, испещрен тесный.

Твоей ложью обезвожено сердце.

Впервые после садика мы не пошли сразу домой – сегодня Макса не ждала любимая курица в карамели.

Зашел, встал посреди вагона. Пацан лет пятнадцати. Негромко начал:

– Люди добрые, помогите, кто чем может. Ради Христа и Господь... Хлебушка, булочки, кто чем может. Мать у меня сгорела, выпивала, закурила и заснула. Дом сгорел, нам с братиком десяти лет негде жить. Помогите на прокорм брата. Кто чем может, ради Христа и Господь...

В запасе у меня было несколько телефонов служб. Я их записал, как приехал на случай, если совсем будет худо.

Когда малец пошел по вагону, остановил, усадил напротив.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

Вот почему его под опеку не берут.

Женщина на соседнем сидении охала и причитала:

– Такие маленькие, а одни остались.

И смотрит на меня и на мальчика.

– Мне бы брата пристроить. Сам я как-нибудь заработаю.

Тон его и помыслы вызывали уважение.

Ещё не потасканный и уже вонючий. Физиономия ещё не разбухшая от этила и уже усталая. Глаза не погасшие, с готовностью выкарабкиваться. Используя таких случайных пассажиров тоже.

Я откопал в контактах номер.

– Позвонить, или сам позвонишь?

– Сам. Найду откуда.

Он был убедителен.

– Там специально для таких. С документами помогают. Точно позвонишь?

– Точно, – запихал он в карман клочок листа из блокнота с телефоном.

Честно говоря, самому мне звонить не хотелось. С парнем этой службы мы как-то разговорились до того особенно, что тот пытался сосватать мне свою с сомнительным родом занятий сестру. Она звонила мне с его подачи, речь её была полуграмотной.

Мы с женщиной сунули ему – я – конфеты для Макса, она – сахарные булочки, от аромата которых у меня потекли слюнки.

Он ушёл, сказал спасибо. Ещё полудомашний, ещё пахнет от него куриным супом из семейной кастрюли, школой. Мы чувствовали себя хорошими людьми – вроде как помогли мальчику.

Названивать ей я начал после рождества. Настырно влезал в ее сон в семь утра и потом звонил каждые полчаса. Отключая все на свете понятия о здравом уме, такте, личном времени и прочей ерунде, названивал под конец беспрестанно. Звонил на домашний, мобильный и рабочий. Ничего. Однажды, примерно на пятый день, трубку домашнего взяла ее мать.

Эту женщину я видел только раз в жизни. Неожиданно ухоженная, белолицая, почти без морщин, и одновременно не похожая на Элю. Единственным ярким ощущением от нее остался резкий запах порошка от одежды.

Ты не дергай ее, Степ, она еще паспорт не получила, пока документы сдаст, сам знаешь, сколько это времени берет, – начала она.

Мне показалось, я не расслышал.

Паспорт? У нее что, нет паспорта?!

Ну да, а ты что, не знал? Она еще осенью в ларек заложила, а те потеряли. Вот теперь бегают, делают. Так что ты тоже там не дергайся, как сделает, так придет.

Вот оно что. У нее не было паспорта и тогда, когда она умоляла меня бросить Магду и поехать с ней. И той ночью безумных клятв, когда наутро мы должны были уже купить билет. И когда она бросила мне шепотом: «Какой ты жестокий», у нее не было паспорта.

Понимала ли она, на что она обрекает меня и, главное, Макса, лишив поддержки Магды? Понимала ли, какую предательскую подножку делает мне?

«Возьми, возьми все! Я продам квартиру, продам дом, все продам. Только не бросай меня, я сдохну»... – поправляла левой пятерней затасканную от частых прикосновений челку.

Глава 13. Расписные стены

В последние недели ни среды, ни четверги, ни пятницы не удавались. Тоска наваливалась по вечерам. Заказчики звонили в три часа ночи.

Сначала думал, что звонок – это сон. Обычно в такое время раньше, на родине, звонил кто-то из пьяных знакомых. Настаивал на немедленной встрече. Я клал трубку и засыпал с тающим сочувствием чьему-то завтрашнему похмелью.

А теперь кто из пьяных решил немедленно выписать меня к себе?

Алло.

Степан?

Я.

Это Алексей Петрович. Я хотел бы отменить договор. Завтра вы сможете к девяти?

Эээ...

Тогда после обеда жду вас.

Хорошо... А что случилось?

Это не телефонный разговор, – сухо, – все, завтра я вас жду.

Ни тебе «простите за поздний (ранний) звонок», ни «я вас не разбудил?». Что вы, какое беспокойство, какой сон? Мы только затем и работаем, чтобы нас поднимали под утро такие копеечные заказчики, как вы, Алексей Петрович.

Проснулся Макс:

Пап, кто это?

Спи, маленький, спи.

Пришлось выйти на балкон и выкурить полсигареты.

Это заказ от издательства сборника графоманов. Они платят – их публикуют. А я всего лишь иллюстрирую их витиеватую безобразность.

Часть денег от заплаченного аванса по дороге домой мы уже потратили на еду. Хорошо, что не сильно размахнулся – так, сахар, молоко, масло... И это человек, у которого трогательные, хрупкие, тонкие стихи и совершенно потрясающие недетские сказки? Я уже представлял игрушечные косенькие домики, тропки без конца и края, милых голубушек у колодца... Такими я задумал свои иллюстрации к его красивым лубочным историям.

Я лег. Меня затрясло. Забытое ощущение ужаса наползало, забирало под одеялом. Как всегда, испугался, что разобьет инсульт.

Представилось, будто умираю. Или становлюсь лежачим. Макса отдадут Инге Петровне. Она с ним не справится, и Макс пойдет по родственникам. Будет жить у чужих людей, очерствеет от одиночества и равнодушия и станет таким, как я – холодным, все время что-то ищущим.

Бред. Я стал молиться и заснул.

Деньги уходили бесшумно и без спросу, подобно вору – форточнику. Магдино таланта управлять бюджетом у меня не было. Попытка распределять деньги по дням закончилась провалом. Сумма, выделенная на день, по факту возростала вдвое, а то и втрое. С прогулок возвращались с целым ворохом одноразовой ерунды вроде каких-то бумажных колпаков, каучуковых человеков – пауков, сладких распотрошенных медведей, слишком сложных или слишком простых пазлов, которые потом валялись по всей квартире.

Единственным спасением я видел круглосутку для Макса. Тогда я мог бы работать ночами. Круглосулка была при садике.

Я был уверен, что нам пойдут навстречу, если анализы не подведут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.